На первом саммите стран БРИК его участники говорили о "новой архитектуре международной финансовой системы", предполагающей большую значимость в ней крупнейших развивающихся стран. Речь шла также о расширении их представительства в Международном валютном фонде и возможностях формирования новых резервных валют, которые могли бы стать не менее привлекательными, чем американский доллар или евро.

Какие из этих планов представляются экспертам более или менее реальными?

Четыре крупнейших развивающихся экономики мира — страны БРИК — располагают валютными резервами на 2,8 триллиона долларов, из которых почти 2 триллиона приходится на один Китай. В целом это примерно 42% валютных резервов всех стран мира на сегодня, вместе взятых — их общий объем составляет около 6 триллионов долларов.

Только в течение мая страны БРИК, по данным их Центральных банков и экспертным оценкам, потратили из этих резервов 60 миллиардов долларов, чтобы сдержать укрепление национальных валют. А теперь намерены потратить 70 миллиардов долларов (50 млрд — Китай, и по 10 млрд — Россия и Бразилия) на покупку облигаций Международного валютного фонда, которые вскоре будут выпущены — впервые в истории фонда.

Наш первый собеседник — научный сотрудник Гуверовского центра Стэнфордского университета в США профессор Михаил Бернштам:
— Облигации Международного валютного фонда представляют собой довольно хороший инструмент диверсификации вложений, ведь валюта МВФ — это "корзина" крупных валют. Кроме того, страны БРИК, будучи крупными экономиками, стремятся усилить свое влияние в Международном валютном фонде.

Но есть очень простой способ усилить это влияние, не покупая никаких облигаций МВФ — просто увеличить свою квоту, вложив больше денег в уставный капитал фонда!

— Но покупка облигаций МВФ не дает этим странам дополнительных голосов в фонде… У этих четырех стран настолько разные ниши в мировой торговле, что ни о каких единых решениях или прямой координации действий не может идти речи.

— Нет, конечно… Покупка облигаций — это покупка активов, и Международный

валютный фонд станет должником этих стран и будет выплачивать им проценты по облигациям.

А вложения в уставный капитал фонда — это так же как покупка любых. МВФ — это своего рода международный кооператив или акционерное общество. И его пайщики фактически должны безвозмездно вложить и "заморозить" свои деньги…

— Квота той или иной страны в МВФ напрямую зависит от общего объема ее экономики: каждые 150 тысяч долларов ВВП дают один голос. Текущему объему ВВП этой страны пропорционален и ее взнос в уставный капитал фонда.

— Квоты пересматриваются раз в несколько лет. И, если квота одной страны и количество голосов, привязанное к этой квоте, увеличивается, соответственно, голоса других стран, оставаясь теми же, "весят" уже меньше. Поэтому решения о пересмотре квот отдельных стран в МВФ принимаются только коллективно.

Западные страны не торопятся сокращать свое влияние в Международном валютном фонде. Они считают, что глобальная экономика находится сейчас в уязвимом положении, и не совсем понятно, как регулировать финансовые потоки. МВФ имеет некоторое влияние, и в общем-то расставаться с этим влиянием западные страны не хотят просто в порядке самосохранения.

Но это в целом — не такой уж важный вопрос. В принципе они просто в какой-то момент соберутся и, естественно, квоты Китая и, возможно, России будут увеличены…

На саммите стран БРИК в Екатеринбурге представители России говорили о том, что валютная корзина МВФ, состоящая ныне из доллара, евро, британского фунта и японской иены, должна быть расширена — за счет включения китайского юаня, а также валют других крупных развивающихся стран. Интересно, что на это представители самого Китая никак не реагировали, и в итоговой декларации саммита об этом нет ни слова.

Говорит директор исследовательского института IFO в Мюнхене Гернот Нерб:
— Эти страны, конечно, хотели бы диверсифицировать вложения собственных резервов, чтобы в меньшей степени быть ориентированными на доллар. И, естественно, они попытаются укрепить свои позиции в Международном валютном фонде и оказывать большее влияние, чем до сих пор, на мировом рынке. Ну и, конечно, новый форум будет стремиться играть все большую роль на любых экономических саммитах, будь то G7 или G8.

В коммюнике Екатеринбургского саммита стран БРИК его участники заявили в общем о необходимости создания в мире более стабильной и предсказуемой валютной системы. Однако недавние предложения России придать больший вес нынешней валюте МВФ (виртуальной, применяемой в основном для межгосударственных расчетов) и, возможно, придать ей статус международной резервной на саммите не обсуждались.

Говорит сотрудник исследовательской организации Heritage Foundation в Вашингтоне Терри Милер:
— Валюта МВФ просто не может служить реальной международной валютой. Ведь обычно та или иная валюта подкрепляется авторитетом, экономической и финансовой мощью страны или группы стран, которые эту валюту используют. Например, США и Европейский Союз. Их правительства и центральные банки пользуются огромным авторитетом на финансовых рынках, поэтому, например, на их облигации всегда есть спрос.

По сравнению с ними, Международный валютный фонд — организация значительно меньшего масштаба. Кроме того, только представьте себе всю эту громоздкую бюрократическую процедуру, при которой сразу 180 стран, являющихся участницами МВФ, должны договориться, скажем, увеличить или, наоборот, сократить денежную массу. Такая сложная система по определению не может быть эффективной. Я не думаю, что кто-нибудь будет всерьез рассматривать предложения о новой роли валюты МВФ…

Если в общемировых валютных резервах доля стран четырех стран БРИК превышает ныне 40%, то их вклад в мировую торговлю — вчетверо меньше.

По данным Всемирной торговой организации, ежегодный объем общемирового экспорта товаров и услуг составляет 20 триллионов долларов, то есть одну треть мирового ВВП. Из них 16 триллионов — экспорт товаров и 4 триллиона — экспорт услуг.

Объем экспорта стран BRIC — 2 триллиона долларов, то есть 10% от общемирового. Из них почти 2/3 — 1,25 триллиона долларов — приходится на Китай, на Россию — в 4 раза меньше, 350 миллиардов. Еще 200 миллиардов — вклад Бразилии и 150 миллиардов — Индии.

Говорит Михаил Бернштам:
— Повлиять на структуру мировой торговли эти страны пока никак не могут!.. По той простой причине, что только Китай является крупным торговым партнером промышленно развитых западных стран.

И самое главное — торговые интересы стран БРИК совершенно разные, и поэтому они не составляют единого экономического блока. Эти четыре страны никак не могут принять единого решения, скажем, о том, как лучше экспортировать услуги индийских специалистов по программному обеспечению?.. Или как экспортировать промышленные и технологические товары из Китая? Как экспортировать железную руду или соевые бобы из Бразилии? Или нефть, природный газ и какие-то металлы — из России?

То есть у этих четырех стран настолько разные ниши в мировой торговле, что ни о каких единых решениях или прямой координации действий не может идти речи. Политические их интересы, кстати, тоже сильно разнятся. Поэтому серьезного влияния на структуру мировой торговли, эта группа стран, на мой взгляд, оказать никак не может…

Общий объем экономики четырех стран БРИК — Бразилии, России, Индии и Китая — на сегодня почти вдвое меньше объема ВВП Соединенных Штатов. И доля долларовых активов в общем объеме валютных резервов центральных банков стран мира, по данным Международного валютного фонда, во втором полугодии 2008 года увеличилась с 62,8% до 64%.

Источник: **Электронный журнал «Business investor»**